

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Уважаемые читатели!

Искренне надеюсь, что вы получите от чтения книги, которую держите в руках, такое же удовольствие, какое получила я, ее переводя. Будучи по жанру историческим романом, «Проблема Спинозы» разительнo отличается от большинства современных произведений того же плана, где более или менее искусно выписанный антураж исторического периода и приключения героев в стиле экшн нередко становятся самоцелью. Притом что «вкус» эпохи (точнее, двух) и захватывающие сюжетные перипетии в этом романе тоже есть (равно как символические смысловые вехи и яркие контрасты, создающие стройную архитектонику текста), он еще отмечен тонким и глубоким психологизмом — «знаком качества» большой литературы. Да и могло ли быть иначе — учитывая, что автор, Ирвин Ялом, является одним из виднейших представителей школы глубинной психологии! К счастью, талант психолога и психиатра сочетается в нем с даром беллетриста — и настолько мощным, что даже учебные пособия по клинической психотерапии, вышедшие из-под пера Ирвина Ялома, читаются почти как романы.

В «Проблеме Спинозы» оба эти таланта сверкают всеми своими гранями — и первый накладывает явственный отпечаток на авторский стиль, особенно в эпизодах беседы двух как бы «психотерапевтических пар» (терапевт — пациент): *Бенто Спиноза — Франку Бенитеш* и *Фридрих Пфистер — Альфред Розенберг*. Задача Ялома — пока-

зять внутренний мир своих героев через их психологическое раскрытие в череде бесед — диктует выбор определенных выразительных средств. Так что если вам, уважаемые читатели, в какой-то момент покажется, что жившие в XVII веке Бенто и Франку в процессе «взаимной терапии» переходят на язык психиатров и психологов века XX, то это вовсе не потому, что автор «не выдержал стиль». Скорее, рисуя психологические портреты далеко опередивших свое время людей, автор именно такими необычными штрихами прибавляет им жизненных красок и приближает к нам. Так, как будто мы смотрим на них не сквозь пыльные и дымные стекла истории, а через линзу телескопа, отшлифованную с одной стороны трудами Бенто Спинозы, а с другой — Ирвина Ялома.

Элеонора Мельник

ВВЕДЕНИЕ

ФАКТЫ ИЛИ ВЫМЫСЕЛ?

РАССТАВЛЯЯ ТОЧКИ НАД «I»

Я пытался написать историю, которая могла бы происходить на самом деле. Стараясь как можно ближе придерживаться исторических событий, я прибегнул к своему профессиональному опыту психиатра, чтобы представить внутренний мир Бенито Спинозы и Альфреда Розенберга. Два придуманных мною персонажа — Франку Бенитеш и Фридрих Пфистер — служат вратами, открывающими вход в психику главных героев. Разумеется, все сцены с их участием вымышлены.

О жизни Спинозы с уверенностью можно сказать на удивление мало — возможно, потому, что он предпочел оставаться «невидимкой». История о двух его визитерах-евреях, Франку и Якобе, основана на кратком рассказе из ранней биографии Спинозы, где были описаны двое молодых людей (оставшиеся безымянными), которые вовлекали философа в разговоры с намерением побудить его раскрыть свои еретические взгляды. В скором времени Спиноза прервал контакт с ними, после чего они донесли на него рабби Мортейре и еврейской общине. Более ничего об этих двух мужчинах не известно — и может ли романист желать лучшего! — а некоторые из специалистов и вовсе подвергают сомнению достоверность подобного инцидента. Однако же он мог произойти на самом деле. Алчный Дуарте Гонсалес, которого я изобразил в роли дяди молодых людей, затаившего злобу против Спинозы, — реальная историческая фигура.

Мысли и идеи Спинозы, выражаемые в его спорах с Якобом и Франку, в основном взяты из его «Богословско-политического трактата». Вообще во всем романе я часто использовал фрагменты и цитаты из этой книги, а также из «Этики» и его личной переписки. Спиноза в роли хозяина лавки — плод фантазии, ибо сомнительно, чтобы он когда-либо занимался куплей-продажей. Его отец, Михаэль Спиноза, создал успешное импортно-экспортное торговое дело, которое к тому моменту, как Спиноза «вошел в возраст», уже переживало трудные времена.

Учитель Спинозы, Франциск Ван ден Энден, был замечательно обаятельным, энергичным, свободомыслящим человеком. Позже он перебрался в Париж и впоследствии был казнен по приказу Людовика XIV за участие в заговоре, имевшем целью свержение его монархии. Его дочь, Клару Марию, почти все биографы Спинозы описывают как очаровательную девочку-вундеркинда, которая, повзрослев, вышла замуж за Дирка Керкринка, соученика Спинозы по академии Ван ден Эндена.

Из немногих фактов, известных о Спинозе, наиболее достоверным является его исключение из общины, и я дословно воспроизвел официальный текст постановления об отлучении. Скорее всего, Спиноза никогда более не поддерживал контактов ни с одним евреем — и, разумеется, его продолжающаяся дружба с евреем Франку вымышлена от начала и до конца. Я представлял себе Франку человеком, далеко опередившим свою эпоху, предтечей Мордехая Каплана, первопроходца XX века в модернизации и секуляризации иудаизма. Оставшиеся на тот момент в живых брат и сестра Спинозы поддерживали отлучение и прервали всякие отношения с братом. Ребекка, как я и писал, вновь ненадолго появилась в поле зрения историков после его смерти и попы-

талась предъявить права на имущество Спинозы. Габриель эмигрировал на один из Карибских островов и умер там от желтой лихорадки. Рабби Мортейра был выдающейся фигурой в еврейском обществе XVII века, и многие из его проповедей сохранились до наших дней.

Практически ничего не известно о том, какой эмоциональный отклик вызвало у Спинозы изгнание из общины. Мое описание его реакции полностью вымышлено — но, по-моему, это вероятная реакция на радикальное отлучение от всего, что он знал в своей жизни. Города и дома, в которых жил Спиноза, его ремесло — шлифовка линз, его связи с коллегиями, дружба с Симоном де Врисом, анонимные публикации, библиотека и, наконец, обстоятельства его смерти и похорон — все это факты, зафиксированные в истории.

В части романа, посвященной XX веку, исторической точности больше. Однако Фридрих Пфистер — персонаж полностью беллетристический, и общение между ним и будущим нацистским рейхслайтером Альфредом Розенбергом — плод моего воображения. Тем не менее, насколько я понимаю структуру личности Розенберга и знаю состояние психотерапии в начале XX столетия, подобные взаимодействия могли происходить на самом деле. В конце концов, как сказал Андре Жид, «история — это вымысел, который воплотился на деле. А вымысел — это история, которая могла воплотиться».

Документ, составленный одним из конфисковавших библиотеку Спинозы офицеров розенберговского АРР (Айнзацштаба рейхслайтера Розенберга), содержал утверждение о том, что эта библиотека поможет нацистам разрешить «проблему Спинозы». Я не смог больше найти ни одного свидетельства, которое связывало бы воедино Розенберга и Спинозу. Но эта связь могла существовать:

Розенберг воображал себя философом и, вне всякого сомнения, знал, что многие великие немецкие мыслители почитали Спинозу. Таким образом, фрагменты, связывающие Спинозу и Розенберга, тоже относятся к жанру «фикшн» (включая два посещения Розенбергом Музея Спинозы в Рейнсбурге). Во всем остальном, сообщая главные детали жизни Розенберга, я старался соблюдать точность. Мы знаем из его воспоминаний (написанных в тюремном заключении во время Нюрнбергского процесса), что в возрасте 16 лет его действительно «воспламенили» работы писателя-антисемита Хьюстона Стюарта Чемберлена. Этот факт лег в основу придуманного мною столкновения между подростком Розенбергом, директором Эпштейном и учителем Шефером.

Большая часть подробностей дальнейшей жизни Розенберга основана на исторических данных: это его семья, образование, браки, художественные устремления, жизнь и приключения в России, попытка вступить в германскую армию, побег из Эстонии в Берлин, а потом в Мюнхен, ученичество у Дитриха Эккарта, карьера редактора, отношения с Гитлером, роль в мюнхенском «пивном» путче, трехсторонняя встреча с Гитлером и Хьюстоном Стюартом Чемберленом, разнообразные посты в руководстве нацистов, писательские работы, Национальная премия и роль в Нюрнбергском процессе.

Я скорее могу поручиться за свое представление о внутренней жизни Розенберга, чем Спинозы, потому что в моем распоряжении было не в пример больше данных, почерпнутых из его собственных речей, автобиографических заметок, а также наблюдений и замечаний других людей. Он действительно дважды был госпитализирован в клинику Гогенлихен: на 3 недели в 1935 году и на 6 недель в 1936 году, по при-

чинам, носившим — по крайней мере, отчасти — психиатрический характер. Письмо Чемберлена Гитлеру процитировано буквально, как и письмо доктора Гебхардта Гитлеру, описывающее личностные проблемы Розенберга (кроме заключительного параграфа, в котором идет речь о Фридрихе Пфистере). К слову, Гебхардт был повешен в 1948 году как военный преступник за свои медицинские эксперименты, проводившиеся в концентрационных лагерях. Все письма, газетные заголовки, приказы и речи воспроизведены с буквальной точностью. Описание попыток Фридриха проводить психотерапию с Альфредом Розенбергом основано на том, как я лично мог бы подойти к этой задаче — работать с таким человеком, как Розенберг.

ГЛАВА 1

АМСТЕРДАМ, апрель 1656 г.

Когда последние солнечные зайчики отскакивают от вод Званенбургваля¹, весь Амстердам закрывается. Красильщики собирают свои пурпурные и алые ткани, разложенные для просушки на каменных берегах канала. Торговцы скатывают навесы и запирают ставнями уличные палатки. Немногочисленный рабочий люд разбредается по домам; некоторые останавливаются, чтобы наскоро перекусить и выпить голландского джину у ларьков селедочников на канале, а потом продолжают свой путь. Жизнь в Амстердаме движется медленно: город скорбит, еще не оправившись от чумы, которая всего несколько месяцев назад отправила на тот свет каждого 9-го горожанина.

В нескольких метрах от канала, на Бреестраат, в доме номер 4, обанкротившийся и слегка подвыпивший Рембрандт ван Рейн в последний раз прикасается кистью к своей картине «Иаков благословляет сыновей Иосифа», ставит подпись в нижнем правом углу, швыряет на пол палитру и, развернувшись, начинает спускаться по узенькой винтовой лестнице. Дом Рембрандта, которому суждено через три столетия стать музеем и мемориалом художника, в тот день сделался свидетелем его позора. Он битком набит покупателями, предвкушающими аукцион, где все имущество Рембрандта пойдет с молотка. Хмуρο растолкав по сторонам толпящихся

¹ Канал в Амстердаме.

на лестнице зевая, он выходит из парадной двери, вдыхает солоноватый воздух и, спотыкаясь, направляется к таверне на углу.

В Дельфте, в 70 километрах к югу от Амстердама, начинает всходить звезда другого художника. Двадцатипятилетний Ян Вермеер окидывает взглядом свою новую картину — «У сводни». Глаза его медленно скользят слева направо. Первая фигура — блудница в ослепительно-желтой блузе. Хорошо. Здорово! Желтый сияет, как полированный солнечный свет. И окружающие ее мужчины... Превосходно! — кажется, любой из них вот-вот сойдет с холста и заговорит. Он наклоняется ближе, чтобы поймать беглый, но пронзительный взор ухмыляющегося молодого человека в щегольской шляпе. Вермеер кивает своему миниатюрному двойнику. Весьма довольный, ставит в нижнем правом углу подпись с завитушкой.

А в это время в Амстердаме, в доме номер 57 по Бреестраат, в двух кварталах от дома Рембрандта, где идут приготовления к аукциону, один двадцатипятилетний купец готовится закрыть свою «импортно-экспортную» лавку (он родился всего несколькими днями ранее Вермеера, которым будет потом всячески восхищаться; хотя знакомству их состояться не суждено). Этот молодой человек кажется слишком хрупким и красивым для лавочника. Черты его лица правильны, смуглая кожа без изъянов, глаза — большие, темные, одухотворенные.

Он напоследок обводит лавку взглядом: многие полки так же пусты, как и его карманы. Пираты перехватили последний корабль из Байи¹ с партией товара, и теперь нет ни кофе, ни сахара, ни какао. Старшее поколение семейства Спиноза

¹ Портовый город в Бразилии.

вело процветающую оптовую импортно-экспортную торговлю, а ныне у двоих братьев — Габриеля и Бенто — осталась лишь одна небольшая розничная лавка. Втянув ноздрими пыльный воздух, Бенто ощущает в нем омерзительную вонь крысиного помета, смешанную с ароматом сушеных фиг, изюма, засахаренного имбиря, миндаля, турецкого гороха и испарений острого испанского вина. Он выходит на улицу и приступает к ежедневной дуэли с заржавленным замком на двери лавки. Незнакомый голос, произносящий слова высокопарного португальского наречия, заставляет его вздрогнуть.

— Это ты — Бенто Спиноза?

Спиноза оборачивается и видит двух незнакомцев, молодых людей, которые, судя по их утомленному виду, проделали немалый путь. Тот, что заговорил с ним, высок, его массивная крупная голова по-бычьему наклонена вперед, словно шею слишком тяжело держать ее прямо. Одежда его добротна, но покрыта пятнами и измята. Другой, одетый в крестьянские лохмотья, стоит позади своего спутника. У него длинные спутанные волосы, темные глаза, волевой подбородок и нос. Держится он зажато. Двигаются только глаза — мечутся из стороны в сторону, точно перепуганные головастики.

Спиноза с опаской кивает.

— Я — Якоб Мендоса, — говорит тот из них, что повыше. — Нам нужно было увидеть тебя. Мы должны поговорить с тобой. Это мой двоюродный брат, Франку Бенитеш, которого я только что привез из Португалии. Мой брат, — Якоб хлопает Франку по плечу, — в большой беде.

— Да? — настороженно отзывается Спиноза. — И что же?

— В очень большой беде.

— Так... И к чему же было искать меня?

— Нам сказали, что ты — тот, кто может нам помочь. Возможно, единственный, кто это может.

— Помочь?..

— Франку утратил всякую веру. Он во всем сомневается. Во всех ритуалах веры. В молитве. Даже в присутствии Божиим! Он все время боится. Не спит. Говорит, что убьет себя.

— И кто же ввел вас в заблуждение, направив ко мне? Я — всего лишь торговец, который ведет небольшое дело. И не слишком прибыльное, как ты можешь заметить. — Спиноза указывает на запыленную витрину, сквозь которую угадываются полупустые полки. — Рабби Мортейра — вот духовный глава. Вы должны пойти к нему.

— Мы прибыли вчера, а сегодня поутру так и хотели сделать. Но хозяин гостиницы, наш дальний родственник, отсоветовал. Он сказал: «Франку нужен помощник, а не судья». Он поведал нам, что рабби Мортейра суров с сомневающимися. Мол, рабби считает, что всех португальских евреев, обратившихся в христианство, ждет вечное проклятие, пусть даже они были принуждены сделать это, выбирая между крещением и смертью. «Рабби Мортейра, — сказал он, — делает Франку только хуже. Идите и повидайте Бенто Спинозу. Он — дока в таких делах».

— Да что это за разговоры такие?! Я — простой торговец...

— Наш родственник утверждает, что, если бы не кончина старшего брата и отца, которая заставила тебя принять торговое дело, ты был бы следующим верховным раввином Амстердама.

— Я должен идти. У меня назначена встреча, которую я не могу пропустить.